

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ В СССР–РОССИИ

УДК 101.2

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРАМИ С.С. НЕРЕТИНОЙ И А.П. ОГУРЦОВЫМ ОБ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

(Часть 2)**

Москва,
Институт философии РАН

abaelardus@mail.ru

Д. У меня есть еще вопрос, на который я не могу ответить. Насколько то, что происходило в философии у нас уже в 20-е, в 30-е и последующие годы, было продолжением того, что происходило в русской философии до революции? Насколько вообще произошедшее в 20-е годы было продолжением того, что было до революции? Я объясню, откуда у меня этот вопрос возник. Мне как-то попался трехтомный энциклопедический словарь под редакцией Филиппова. Когда его начал читать – а он издан до революции, – он меня совершенно потряс своей, условно говоря, «советскостью». Я вдруг увидел, что это же было заложено раньше.

О. Называется «Философия действительности» М.М. Филиппова, издателя, по своим взглядам близкого к Г.В.Плеханову.

Д. Да, вот эти вещи! Конечно, с одной стороны, была религиозная философия, Соловьевская линия, условно говоря. И базаровская, от Базарова.

О. Тургеневского Базарова?

Д. Да, тургеневского Базарова... те же Бюхнер, Фохт, Молешотт. В ней не выразилось серьезного стремления к знаниям, там нужна была идеология. Когда начали использовать философию как идеологию, им, сторонникам этой линии, в этом отношении было на что опереться. Например, когда «Вехи» попытались выступить против такого примитивного понимания, вернуться в русло реального обсуждения собственно философских тем, их даже не попытались услышать. Я этим специально занимался, и меня потряс Милюков, например, к которому я после этого отношусь, в общем-то, не положительно. Он написал огромную статью, и это самое пустое из всего, что он написал. Сто страниц абсолютно бессмысленного текста. Он понимал уровень людей, с которыми он имел дело, но факт в том, что он защищал примитивную идеологию и принципиально не пытался подняться на философский уровень. И вот это победило в конечном итоге. Можно так сказать, или я это сильно упро-

* Интервью проводит О.А. Донских. «Д» интервьюер, «Н» – проф. С.С. Неретина, «О» – проф. А.П. Огурцов.

** Окончание. Начало см.: «Иден и идеалы», 2013, № 3 (17), т. 1. – С. 144–163.

щаю? Соответственно, Соловьев оказался, так сказать, «соловьевщиной» у того же Луначарского...

О. Н.А. Бердяев – «Белибердяевым».

Д. Да, Бердяев вообще был человеком странным: то, что он создал вольную академию духовных наук в начале советских лет – это само по себе показывает, насколько он вообще был идеалистом.

Н. Почему? В это время было множество школ, в том числе «формальных»...

Д. Но не вольных. Не знаю, конечно, но слово «вольная» – оно уж совсем не подходит к моменту, как мне кажется, хотя, может быть, я ошибаюсь.

О. Это был период такой, скажем так, до конца 30-х годов.

Н. Символом был «философский парход» в 22-м.

О. Ну да, и потом уже был принят жесткий закон, были закрыты ряд издательств, проведено их огосударствление, наложен запрет на авторские издания...

Д. Это когда?

О. В середине или в конце 20-х годов все кончилось. Была закрыта Государственная Академия художественных наук (ГАХН) в 1925 году. Власть старалась разрушить любое объединение философского сообщества, разрушить любые формы их самоорганизации, создавая общества марксистов и их журналы (прежде всего «Под знаменем марксизма» (1922–1943), «Проблемы марксизма» (Л., 1928–1934) и др. Философская мысль стала одноцветной – серой. И это продолжалось с 1930-го по конец 50-х годов. Философы ушли в педагогику, психологию, литературоведение и т. д. Инакомыслие стало подпольным. Книжки, если они писались, то писались в стол. Я имею в виду рукописи А.А. Мейера, М.И. Кагана, Я.С. Друскина

и др. К счастью, их рукописи сохранились и в наши дни изданы.

Д. В Туле вот эти жутко изданные книжки Лосева...

Н. Меня недавно поразила книжка одного близкого мне человека, который написал книгу «Добрый человек в революции», посвященную Дубровинскому. Там приводятся некоторые архивные документы, из которых видно, что люди десятых годов прошлого века пользовались такими терминами, как «вождь».

Д. Ну, это же еще у Алексея Константиновича: «а порознь все клянутся In verba вожакорум».

Н. Вождь, или в переводе на немецкий – Führer. В этой книге речь о постоянно вводимом споре, кого считать вождем пролетариата – Ленина или этого самого Дубровинского. Именно эти слова использовались еще до революции, когда не известно было, что будет и как будет.

Д. Сталин в речи на VI съезде говорит о четырех наших вождях. Себя он в их число, между прочим, не включает.

Н. В 1900 году было создано Особое совещание (ОС). Были и слова «ВЧК», и «перестройка». И фразеология сохранилась. На эсеровском револьвере, из которого стреляли в харьковского генерал-губернатора, были выгравированы слова «Смерть царскому палачу и врагу народа», а в одном либеральном журнале, писавшем о сборах с увеселений, были пронические слова: «Как видите, нам живется веселее». Обо всех этих терминах и фразеологии написано в изданной нами книжке «Подвластная наука?», равно как и о «безличности и некультурности» нашего «интеллигентского слоя».

Д. Я помню, что выражение «народный комиссар» придумал Троцкий, по крайней

мере, оно обсуждалось, когда решали, как назвать правительство, – это случилось уже после разгона Учредительного собрания.

О. Это слово из времен Французской революции. Комиссары Французской революции, перекинутые на российскую почву. Слово «народный» добавлено. Я одно добавление сделаю к тому, что уже говорил. Понимаете, существует то, что совершенно неожиданно было сделано именно в 60-е годы XX в. Во-первых, в 60-е годы был неожиданным поворот к эстетике, когда был издан целый ряд интересных работ. Книга Ю.Н. Давыдова, например. Возникла надежда, что эстетика и философия искусства вообще вытянут за собой всю философию. Она понималась по-разному, в том числе и по-кантовски, в таком широком смысле – как некоторый анализ структуры созерцания в любом варианте, в том числе и научно-теоретическом. Кроме того, эстетика имеет дело с артефактами, т. е. с бытием, сконструированным человеческой волей, мыслью, воображением – с человеческой деятельностью. И уже тут совершился поворот к иному прочтению К. Маркса, который отличает эти годы. Ренессанс Маркса, который был связан с изданием его ранних работ, прежде всего «Экономическо-философских рукописей 1844 г.», и с теми именами, о которых мы уже ранее говорили, ориентировался на имманентное понимание бытия, на выдвижение в качестве принципа «бытие–сознание» или «сознание–бытие». В противовес плехановско-ленинской теории отражения в этой линии делался акцент на бытии, вовлеченном в орбиту человеческой деятельности. Сознание анализировалось как имманентное бытию. То есть анализировалось именно «бытие–сознание». Бытие – это не то, что внеположено сознанию, а то,

что репрезентируется сознанием с помощью структур эстетического созерцания и мышления. Для М.К. Мамардашвили принцип «сознание–бытие» стал исходным. Такой экзистенциалистский подход, переинтерпретированный на Маркса. Этот же ход делает и Э.В. Ильенков, когда пишет, что бытие вовлечено в горнило человеческой предметной деятельности. Поэтому его интересуют работы А. Мещерякова о вовлечении слепо-глухонемых детей в социокультурную жизнь, хотя надо отметить, что Д.И. Дубровский показал, что эти дети имели опыт зрительного восприятия и речи. Кроме того, и Мамардашвили, и Ильенков трактовали технику как воплощение «производительных сил человека»: первый как экстрацеребральные амплификаторы, второй – как способ реализации фантазии и мышления человека. Это воплощенные во вне наши мыслительные способности. Такой ход мысли был и у Маркса, но он как-то остался втуне. Не был никем проанализирован. А тут ход, который можно назвать структуралистским, – бытие вместе с сознанием, сознание всегда воплощено в бытии.

Д. То, что в математике называют конструктивизмом.

О. Да, конструктивистский подход, хотя конструктивизм в математике связан с отказом от ряда законов формальной логики. Кандидатская диссертация и первый вариант книжки Ильенкова «Восхождение от абстрактного к конкретному в “Капитале” Маркса» начинается с того, что мы в горнило своей деятельности втягиваем бытие. Но первый вариант ее до сих пор не издан. Это совершенно неожиданный поворот, который не имел никакого отношения к теории отражения. Чисто конструктивистский ход, для которого тоже надо выявить какие-то его пределы и границы, потому что существуют

ограничения и запреты для такого подхода. Итак, уже в 60-е годы существовали альтернативные ориентации в философской мысли СССР: одна – теория отражения, другая – конструктивистская, подчеркивающая значимость человеческой деятельности.

Внутри последней философской позиции существовали разные акценты. Один из них, связанный с семиотикой, ставит М.К. Петров – через коды, через всякие теоретико-информационные и семиотические понятия. Другой подход развивал Мамардашвили, третий разрабатывает Ильенков на материале истории философии. Все эти столь различные подходы коренились в исходном имманентном понимании сознания, бытийствующего и онтологического по своей сути, т. е. сознания, вовлеченного в бытие, и бытия, освоенного сознанием.

Эта позиция, которую можно назвать конструктивизмом, оказалась весьма перспективной. Как раз Ренессанс Маркса, который отличал советскую философию в том числе, касался не только его ранних работ и поставленных там проблем отчуждения, опредмечивания, но и его более поздних работ, в частности «Grundrisse...», да и всего содержания марксистской философии как социальной философии прежде всего. То же самое было сделано во Франции Л. Альтюссером и Э.Балибаром в двухтомной работе «Lire le Capital» (Париж, 1967).

Д. Кстати, еще один хороший пример использования старой фразеологии. «Походная ленинская комната» в армии – это же «походная церковь» миссионеров и армейских священников.

Н. Мне давно казалось, что от критики советской власти нужно переходить к ее анализу, хотя у нас это сделать безумно трудно. Заиклившись на какой-то про-

блеме, мы начинаем ее развозить, разносить, а в результате не только ничего нового не происходит, но делаются попытки повторить старое. И мы заново начинаем обслуживать возникшую на условии повтора власть. При этом неважно, хвалим мы ее или ругаем. Сейчас, например, нам дано задание «задействовать» идею патриотизма, смысл которой не в построении гражданственности или освоении новых социальных ресурсов, а в прославлении прошлого. По телевизору показывают разговор двух историков в поезде – для изображения якобы непринужденной беседы, хотя ясно, что она принужденная, ибо речь шла о том, что, мол, мы говорим об Иване Грозном как о деспоте, кровью задавившем Новгородскую республику, в то время как в Европе репрессий было больше. Такая вот непринужденная беседа о том, как мы, историки и обыватели, сами себя унизили рассказами о массовом бесправии. Попыток понять смысл униженности не было. Не было попыток понять, почему в некогда великой стране, где, как сказал как-то Огурцов, каждый человек чувствовал себя в ней великим, вдруг осознал себя никем. В чем корень такого ничтожения? Может быть, и прежнее величие было с глиняными ногами? Это **действительно уязвляет душу, если говорить радищевскими словами.**

О. Конечно. Простите меня, большое количество поколений воевало за эту империю, а потом она раз – и одним махом развалилась. Впрочем, и не «одним махом». Коммунисты долго готовили ту элиту, которая взяла и все развалила... Конкуренция региональных и ЦКовских (от ЦК КПСС) элит – одна из причин этого развала. Причем и те и другие элиты были пронизаны авторитаризмом, стремлением навязать

всем и вся свою волю, свои куцые решения, не слушая других и не ведая сути дела.

Д. Создали-то ее абсолютно оторванной от почвы.

Н. Люди, которых долгое время учили, как, например, мы завоевывали Крым, которым учебники истории рассказывали про потемкинские деревни, про Екатерину Вторую, которая уж явно не была украинкой, оказались растерянными, когда Крым вдруг росчерком пера оказался украинским. Конечно, здесь уязвляется, соответственно, обученная душа человеческая. Даже если ты гражданин мира, космополит безродный, и талдычишь, что вот так оно сложилось, что тут уже ничего не поделаешь, все равно в глубине души ощущаешь некую историческую неправоту. Лишь сейчас, когда идет противостояние на (не привыкла говорить «в») Украине народа и власти, новая история проникает в сознание, вовлекая в него новое, как сказал Сапха, бытие. Но вместо анализа мы начинаем старые раны не посыпать даже солью, а приукрашивать, приспособливать к идеям неисторически мыслящих людей и делать это руками историков. Тех историков, кто якобы знает некую единую историю. Как тут не вспомнить слова режиссера Владимира Хотиненко о том, что «вся история – это пьеса, неизвестно кем написанная. Может быть, даже не на земле». На таком пустом историческом месте строится Россия в политике, в науке, в киномысле, рекламе и пр., строится людьми, которые путают, как говорил М.Е. Салтыков-Щедрин, понятия «отечество» и «Ваше превосходительство».

Д. Еще есть проект, гениальный совершенно, называется «Индивидуальный проект школьника».

Н. А что за проект?

Д. Этого никто не знает. Школьник *сам* выбирает траекторию своего образования.

Н. Он сам с пеленок уже Перельман. Уже нобелевский лауреат. Ну что ж, как говорится, у стремящихся и возможности лучшие... И все же философам, на мой взгляд, стоит знать собственную терминологию, как меняется содержание старых терминов, какие возникают новые. Когда мы стали делать онлайн-журнал VOX, то я предложила составлять словарь новых терминов или старых, новое содержание которых стало очевидным. Например, одним из весомых стало слово «вдруг». Что значит фраза «вдруг все изменилось»? Когда я стала писать словарную статью, оказалось, что это «вдруг» – весомый термин для Платона, для Декарта, который не мог не понимать, что мысль, а значит, и смысл собственного существования, приходит вдруг. Именно потому он не пишет «я», а включает его внутрь глагола. В «*cogito ergo sum*» акцент не на *ergo*, а на внезапности мысли и, соответственно, существовании. Речь не о трансцендентальном *ergo*, трансцендентальном субъекте, а на том, что в определенный момент тебе даруется мысль о себе. Поэтому «*cogito ergo sum*» имеет расширение «*ergo Deus est*», о чем он говорит и в «Правилах для руководства ума», и в «Размышлениях о первой философии». «Каждый раз, когда время кончается, меня что-то сохраняет», – пишет он, доказывая бытие Бога.

Продельвать такую кропотливую работу по очищению и нахождению терминов нужно не в последнюю очередь для того, чтобы понять, где и как возникает новое философствование. На мой взгляд, это нужно делать не в том волюнтаристском ключе, который часто предлагают революционно настроенные мальчишки, склон-

ные к нигилизму да и к согласию с ситуацией унижения, где концы с концами не сводятся: с одной с стороны, наблюдается вроде бы конец философии как таковой, а с другой – в России ее и не было, она вся есть только на Западе. Мысль, однако, не выбирает себе референта по национальному признаку, и вряд ли стоит проводить в жизнь шовинистические представления о философии, которая может быть только в Греции или только в Германии.

Д. Недавно я видел запись беседы двух наших философов, которые говорили о том, что в России кончилась философия.

Н. Я как раз об этом. Неужели кому-то известно, что такое философия? Те же западные философы пишут книги, называемые «Что такое философия?», а нам как будто нравится возвещать ее кончину и в который раз повторять вопрос, по ком звонит колокол, не вполне отдавая себе отчет о той бесконечной боли, которая возникает при этом звоне. Какая она была, эта почившая философия? Может быть, и слава Богу, что та философия, которую мы называли философией, кончилась. У меня есть подозрение, что под философией понимается некая система. Не мышление как таковое, а система, которую кто-то создал. Если исходить из этого, то мы Платона должны выкинуть из состава философов. Он никакой не системщик. Но интерес к нему, судя по выходящим книгам, возрастает...

Д. Достаточно «Парменида» вспомнить, и можно больше не говорить.

Н. В 2011 году на телевидении состоялся пресс-клуб, на котором мы с Сашей присутствовали. Он в конечном счете молча ушел, а я все-таки выступила. Устроители посадили на черные стулья противников философии, а на белые – защитников. Философы выглядели плоховато, то есть

интеллигентно, потому что антифилософы были настолько агрессивны, что один из присутствовавших на этом заседании назвал их просто гопниками и сказал, что нельзя устраивать такие прессинги. Вы, говоря, сделали примерно то же, что в свое время сделал Геббельс. Он выставил одновременно и вместе хорошие абстрактные картины и просто плохие и указал на евреев как на тех, кто это написал. Вывод ясен: такие нам не нужны, их надо просто уничтожать. Все антифилософствующие посетители этого пресс-клуба были уверены, что философия – это идеология, они были уверены, что никакой такой мысли мы им не несем. Как будто мы обязаны их обслуживать. Я тогда ответила, что не понимаю тех, кто вменяет в обязанность философу формировать образ власти и государства. Философ не обязан обслуживать ни власть, ни государство. Я напомнила старую статью Канта по поводу спора двух факультетов, где один купец говорит: «Вы нам дороги проложите, завезите товары, а нам позвольте действовать, как мы хотим». Можно перефразировать последние слова: не мешайте нам думать. Не мешайте использовать тот дар, которым мы обладаем как люди. Если уничтожить мысль, мы превратимся в манкуртов. Мысль на то и мысль, что она – свободна и принуждена только собственной логикой и действием этой логики. Речь может быть полусвободной, потому что кого-то можно заставить рассогласовывать ее с мыслью угрозами, а то и прямым уничтожением. А мысль не бывает полусвободной. Она таковой не бывает ни при советской власти, ни после советской власти. Ты можешь ее не додумывать, но это опять же входит в твою свободу. Хочешь – думай, хочешь – не думай, хочешь – оставь.

Д. Мне бы хотелось спросить про еще один подход, который проявился в дискуссии с Ильенковым и лидером которого был Д.И. Дубровский.

О. Да, полемика между Ильенковым и Дубровским говорит о том, что существовало еще одно направление. Помимо этой имманентной трактовки «бытия–сознания» через дефис всегда существовало в российской философии, в советской философии то, что я бы назвал натуралистическим функционализмом. Он пытается осмыслить сознание в его тесной связи с достижениями нейрофизиологии и психологии, найти дискурс, который бы объединил естественно-научный и гносеологический дискурсы. Я бы не назвал его физикализмом, потому что современный анализ сознания отдался от языка физики. Скорее он близок языку нейрофизиологии, хотя он тоже различен – от физикалистского языка до физиологии активности Н.А. Бернштейна.

Я бы не стал столь однозначно оценивать этот подход. Здесь есть большие успехи в компьютерном моделировании актов сознания. И волна нейрофизиологической трактовки сознания довольно-таки широкая, особенно за рубежом. Если Дубровский представлял, скажем так, натуралистическое направление, то Ильенков – другой ход, который представлен, например, в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Понимание (Verstehen) – это структуры, объясняемые и обусловленные коммуникативным действием, в том числе и языком. Этот же ход мысли характерен и для Ильенкова в статье «Об идеальном». Коротче говоря, эти альтернативные позиции представлены и в современной философии, то есть это не просто выдумки, какие-то фикции, которые вообще не имеют смысла. Их основания разные: основание

одной связано с социальным бытием, которое представлено в коммуникациях, и из него выводит идеальное Ильенков, основание другой – нейрофизиологические процессы, к которым апеллирует Дубровский. И можно назвать большое число физиологов и философов, которые отдают предпочтение этой позиции.

Н. Д. Армстронг, австралиец, автор книжки об универсалиях, вообще говорит: «Вниз, вниз к шимпанзе, вот там мы найдем основание для человеческого существования, человеческого бытия». Он вполне мог бы жить в советской России...

Д. В теории отражения это практически так и делается, потому что если информация – это отображенное разнообразие, тогда либо есть качественные переходы, либо нет. В конечном итоге к этому же сводится.

Н. Самое удивительное, что от этого не далек и Поппер.

О. Ну конечно.

Н. Но возникает вопрос: говоря об эволюции, отстраняется ли он от смыслов речи, от речевой коммуникации, свойств мозга – того, чем занимаются Р. Пенроуз или Д. Хофштадтер, или это оставлено на потом?

Д. Его книга с Экклзом самая слабая, с моей точки зрения.

Н. Он словно забывает собственный «третий мир». Мы делаем вид, что этого не замечаем, что нас гораздо больше интересует третий мир, рост науки, в то время как у него в основании лежат вот эти мельчайшие движения, которые неким чудесным образом впоследствии образуют «третий мир». Поппер рассказывает: высохли водоемы, и рыбкам, которые в нем выжили, перестало хватать воды и тех водорослей, которые остались в пересохшем водоеме, они вынуждены как-то переползать

по суше, и вот у них плавнички превращаются в ноги. Читать это весело: такое объяснение мы слышали в школе. Любопытно, что все свои книги Поппер писал очень долго. Начинал в сороковые годы XX в., заканчивал в девяностые. Так произошло, например, с книгой «Мир Парменида». И непонятно, когда он это написал: когда ему было 30 лет или когда 90. Здесь речь идет об особом способе мышления, когда в голове всё. И конечно, идеализмом, о котором в те же тридцатые в Советской России твердил В.И. Вернадский, здесь не пахнет. Это *body-mind*, это попытка «схватить» вещь вместе с умом, мясом и кровью. Такое открытие вещи в ее совместности, как и открытие общества, вызывает некий священный восторг, как и предположение панпсихизма, открытого давным-давно, но всегда открываемого заново с удивлением и воодушевлением. Вот, цитирую Армстронга: «Вниз к шимпанзе, к самым элементарным тварям, которые не исключено, что имеют восприятие». «Не исключено, что имеют восприятие! Мне это очень нравится, хотя я не разделяю этих убеждений. Мне нравится это своей убежденностью, захваченностью, возможностью прямо и недвусмысленно сказать то, что кому-то покажется смешным. Это забытая откровенность. Это предположенность, которая ничем не доказана, ничем не утверждена, потому что это требует другого анализа.

Но – «а вдруг, а вдруг!», вот оно, наше «вдруг».

А вдруг получится чистейший натурализм. Есть материалистические теории, о которых я в первый раз услышала именно от Армстронга, – делюзивная, редукционная... Читая Армстронга, я узнала столько материализмов, сколько не знала, живя в Советской России, которая насквозь была

материалистической. Что я этим хочу сказать? Философы (и не только наши) словно бы разбиты на группы, которые выбирают из состава философии то, что считается нынче наиболее ярко представленным. Как правило, руководствуются наличием неких школ, направлений или ярких персон за рубежом. В Англии, например, это – витгенштейновское наследие, аналитическая философия, во Франции – экзистенциальная (Ж.П. Сартр), нарративная (П. Рикёр), философия постмодерна (употребляя этот термин исключительно как хронологический, а не содержательный), в Германии – феноменология. Особняком стоит М. Хайдеггер. Это задает хороший философский тон. Поскольку считается, что нашей философии словно бы нет, как бы забывается, что и той, которая передовая, более, по крайней мере, полувек. Но ведь и там уже есть другие ориентиры...

Д. Хороший пример – тот же Густав Шпет в его отношении к русской философии, когда он ее все время по критериям немецкой философии судит и показывает, что это все не то. И философии, конечно, нет вообще в России, и мысли нет, и вообще русские постоянно отстающие. Но, возвращаясь к материализму, можно сказать, что есть, по крайней мере, четыре материализма – эмерджентный, физикалистский, диалектический и вульгарный.

Н. Но эмерджентный не отрицает физикалистский, в принципиальных вещах они сходятся. Об этом говорит Поппер. В нашем секторе на семинарах по онтологии мы не встраивались в исключительно «модные» споры. Например, сводится ли нынче философия к искусству или она сводится к политике. Потому что это все это на самом деле к сути вопроса не имеет никакого отношения. К сути вопроса имеет только отноше-

ние выяснить некую проблему «до оснований, до корней. До сердцевины» – и все. А она тебя может вывести не в политику, не в искусство, она может вывести исключительно и только в философию. К политике это может быть сведено только как серьезное преобразование, только как некое масс-медиа. Я своих студентов, как правило, прошу читать самое начало философии – «Парменида». «Конец», т. е. нынешнее ее состояние, они уж как-нибудь прочитают, а иные читают и разбираются. А вот самое начало не всегда кажется интересным. Оно таковым покажется позже, не в 18 лет, или не всем в 18 лет. Но ведь удивительно, что много лет человек наизусть помнит спор, в котором участвовали *философы* – не демагоги, не политики и даже не поэты. Что значит память? Ведь он рассказывал не как попугай, а с пониманием дела, как бы подтверждая слова Хайдеггера о том, что мышление выводится из памяти, а память – из благодарности, а благодарность – из молитвы.

О. Память хорошая была.

Н. Разумеется. Мобильников или компьютеров, куда мы ее перенаправляем, не было. Но, кажется, это было связано с таким философским делом, как пойнсис, который отличается от физического труда тем, что это, как сказано, вид «истинствования», само себя не производящего, а потому может быть свободно и по-разному изъявлено, и эту разность нужно постоянно иметь в виду.

Д. Что и не нужно записывать, но нужно держать себя в состоянии понимания.

Н. А чтобы понять, нужно встретить своего друга Кефала и сказать ему: «Слушай, мне пришла в голову мысль, я не могу с нею справиться. Не поможешь ли?»

О. Это та память, которую мы все больше и больше теряем.

Н. Мне кажется, это труднее, чем рассуждать о том, становится ли философия политикой, искусством или куда они еще ее собираются запихнуть... Я никак не могу понять, почему нужно философию куда-то запихнуть. Ну, в советское время это было объяснимо: мыслящие люди, не желавшие участвовать в идеологических катавасиях, уходили в соседние области – в филологию, в структурную лингвистику, даже в экономику. Тот же С.С. Аверинцев, кто он: историк, филолог, теоретик культуры? А заниматься присвоением философии чужого имени – это как раз дело советской власти. Вот когда филология присваивала себе философию.

Д. Это чистая реализация принципа партийности.

Н. Живя в другое время, мы на самом деле неким странным образом воспроизводим старые идеи.

Д. Кстати, это соответствует тому, что «Единая Россия» превращается в КПСС. Типологически это один и тот же процесс.

Н. Тогда было желание уйти от идеологии в сопредельные области. А сейчас – желание превратить философию в сопредельную область. Тогдашнее желание вызывалось давлением, сейчас оно вызывается невозможностью справиться с проблемой. Недавно мы издали книжку «Философские акции», где наши коллеги по Центру методологии и этики науки (теперь уже бывшему) размышляют о том, что такое философия как некое дело, как некий акт.

О. Это Витгенштейн.

Н. Но это не только Витгенштейн. Из книги как целого, как некоего диалогического целого видна тревога, что невозможно развязывать давно завязанные узлы. Почувствовать себя, условно говоря, мольеровским мещанином, который вдруг осо-

знал, что он говорит прозой, то есть почувствовал разрыв. Но и среди этой невозможности, точнее – в момент мучительно-осознания этой невозможности, подается запрос о том, что такое человек. Именно в этот момент ты занят философией. Ты не политикой занимался, не социально-коммуникационными проблемами, ты буквально обескуражен собственным положением философии и собою в философии. Никуда от нее не уйти.

На упоминаемом пресс-клубе был такой вопрос: «Чувствует ли философ вину за то, что происходит разрыв?» Но почему философ должен чувствовать такого рода вину, если это его дело? Его дело как раз искать разрывы, чтобы добраться до чего-то мало-мальски прочного, да и то на первый взгляд. Он стремится проанализировать, то есть разять и только тем самым разьяснить самые обычные слова и дела или те слова, смысл которых изменился («лагерь», «почта» и много других), а соответственно, изменилось и состояние дел. Это значит, он занят делом без заботы о его продуктивности, часто не надеясь на понимание тех, кто, в свою очередь, занят тем же делом, но с иной стороны. Здесь дело не о вине, разве что о вине, связанной с тем, что у кого-то при расчистке завалов портится настроение и взрываются отнюдь не добрые чувства. Вина может заключаться в поступке, цель которого заведомо исказить ситуацию мышления. Мы часто философию мыслим идущей как бы бок о бок с чем-то – с мифологией, с религией, с идеологией. Они все время ее как бы подпирали. Но любой фон образовывался именно потому, что философия предполагалась как очень мощное и даже опасное образование. Чем кончилась история Сократа? Его убили. А он между тем не занимал в Афинах никаких должно-

стей, кроме участия в Совете, где однажды, несмотря на угрозы тюрьмой и даже смертью, выступил против несправедного решения, пренебрегал корыстью, чинами, речами, был просто порядочным человеком, желавшим заниматься только философией. Именно эти мифические подпорки позволяли осудить его. Все афиняне всё делали лучше, и только один всё портил. Этот один – философ. Это одинокое существование. Мы же, как и в старое благословенное время, пытаемся сделать философию не одиноким существованием, а прищипленным к чему-то.

А. Ведь там философия – это подготовка к смерти в первую очередь.

Н. Дня за два до пресс-клуба мы были на спектакле театра «Практика», где на сцене был Олег Генисаретский. Он рассказывал о своей жизни, очищении этой жизни. Он, став актером, получил возможность посмотреть на себя как бы со стороны. Со стороны искусства, которое в этом случае и было его фоном.

О. Сократический монолог.

Н. Это действительно был своеобразный монолог, сыгранный для возникновения понимания – не только зрителями, но и себя самого самим собой. Можно многое понять о себе, играя «Преступление и наказание» и не убивая старушек. Что-то похожее сказал режиссер Кама Гинкас. Но это можно сравнить и с представлением «Живого журнала». В «Живом журнале» вы, человек боязливый, все же желаете высказаться. Вы выдумываете для себя ник. И тогда вы – это вы и не вы, вы смотрите на себя со стороны. Государство же, желающее прижать философов к ногтю, не может окаться без них по той простой причине, что философ всегда занят, исследует *номос*, ограду закона, а закон трудно показать, он

обосновывается не в Думе, а в одиноком уме, способном найти общие основания. Раньше с философами и расправлялись поодиночке. Когда же философия пытается сделать себя публичной сферой, ее и вычищают полностью.

И все же философы и к тиранам ездили, и к власти хотели одни припасть, другие понять и научить. Ибо государство, республика, штаты – дело общее

Д. И из рассказа Александра Павловича, и из вашего, Светлана Сергеевна, следует ведь одно: что все-таки стремление к философии – это некое внутреннее стремление, которое невозможно не реализовывать. Независимо от окружения. Где-то это окружение помогает, где-то оно, наоборот, препятствует. Но тем не менее вы же очень точно сказали насчет стремления к началу.

Н. И это означает, что философская мысль – это мысль не национальная, разве что понимать национальное, как пони-

мал его Ж. Деррида, то, что выражается в определенных видах дискурса, связано с устойчивыми формами мышления, способом объяснения мира и пр. Но мысль как таковая не зависит ни от социального, ни от личного статуса, ни от способа жизни. Диоген, сидя в бочке, сказал Александру Македонскому: «Отойди, ты застишь мне солнце». Хотя Александр мог ему дворец предоставить... Знание врожденно любому человеку, вопрос в том, как человек им распоряжается. Другое дело, что нынешние знания очень тесно (междисциплинарно) связаны. Я как-то рассказывала студентам о том, что такое гносис. Желая связать это с русским словом «знание», спросила о его этимологии. Мне ответили: зона. Зона очерчивает границы. А человека, конечно, ограничивает знание.

Д. И во многом знании много печали.

Н. Человек, который предназначает себя этому делу, конечно, рискует, готовя себя и к самой печальной участи.